

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Опричнина.

I. Правда и вымыселъ въ драмѣ опричнины. — II. Терроръ. — III. Царь Симеонъ. — IV. Опричнина въ оцѣнкѣ исторіи.

I.

Правда и вымыселъ въ драмѣ опричнины.

Какъ большинство русскихъ, такъ и нѣкоторая часть моихъ французскихъ читателей знакомы съ приключеніями князя Серебрянаго по роману гр. Алексѣя Толстого. Возвращаясь на родину изъ посольства къ иноземцамъ, герой этого произведенія встрѣчается съ отрядомъ вооруженныхъ людей. По ихъ внѣшности и поступкамъ князь заключаетъ, что передъ нимъ шайка настоящихъ разбойниковъ. На глазахъ князя Серебрянаго они грабятъ деревню, убиваютъ людей или подвергаютъ ихъ всевозможнымъ насиліямъ. Въ благородномъ порывѣ князь вмѣшивается въ побоище; но скорѣе онъ самъ уже схваченъ и узнаетъ, что его обвиняютъ въ дерзостномъ посягательствѣ на царскихъ людей. Воображаемые разбойники, дѣйствительно, оказываются слугами государя, а ихъ безчинства—обычнымъ явленіемъ новаго политическаго порядка. Провинившагося князя приводятъ въ новую резиденцію царя, т.-е. въ Александровскую слободу. Здѣсь его ждутъ все новыя и притомъ ужасныя открытія. Уже на дворѣ царскомъ онъ видитъ медвѣдей, которыми травятъ всякій пришлый людъ. Затѣмъ онъ оказывается на пиру у царя, куда гости попадаютъ, минуя застѣжки и подземныя темницы. Въ столовой палатѣ засѣдаютъ клеветы царя, переодѣтые чернецами; самъ царь, зловѣще усмѣхаясь, надѣляетъ своихъ гостей кубками съ отравой. Здѣсь нога скользитъ въ лужахъ крови; воздухъ насыщенъ опьяняющимъ запахомъ бойни; веселые клики охмелѣвшихъ гостей смѣшиваются съ

раздирающими воплями жертвъ, мучимыхъ тутъ же, рядомъ, въ застѣнкахъ. Словомъ, этотъ дворецъ напоминаетъ собою адъ кромѣшный или мясную лавку. Въ чемъ же дѣло? Князь Серебряный не знаетъ, но догадывается. То тѣшится царь. Таковы его страшныя забавы.

Изображая эту картину, авторъ отнюдь не творилъ ее однимъ своимъ воображеніемъ. Онъ былъ убѣжденъ, что пишетъ свой романъ, какъ историкъ,—и, дѣйствительно, у исторической науки въ лицѣ самыхъ блестящихъ ея представителей на родинѣ гр. Алексѣя Толстого, онъ заимствовалъ и свой основной рисунокъ, и свои краски. Въ изображеніи Карамзина, Соловьева, Костомарова и, ближе къ намъ, Ключевскаго съ Михайловскимъ—опричнина оказывается кровавой эпопеей бессмысленныхъ и безцѣльныхъ убійствъ, совершавшихся по повелѣнію государя, который тѣшилъ себя этими безчеловѣчными забавами. Исполнителями его воли являются люди безъ стыда и безъ совѣсти. Украшенные своими страшными эмблемами—собачьей головой и метлою у луки сѣдла, они скачутъ по большимъ дорогамъ. Имъ данъ приказъ грабить и убивать. Обрызганные кровью, увозя съ собою богатую добычу, возвращаются они въ Александровскую слободу. Здѣсь ко всѣмъ преступленіямъ ихъ присоединяется кощунство: облекшись въ черныя рясы, вмѣстѣ со своимъ игуменомъ—царемъ, они предаются самымъ гнуснымъ оргіямъ. Вотъ, что такое опричники.

Однако, на смѣну указаннымъ историкамъ явились другіе, которые занялись тѣмъ же самымъ вопросомъ. Изслѣдуя тѣ же факты, опираясь на показанія тѣхъ же свидѣтелей, они пришли къ совершенно иному пониманію опричнины. Эта волнующая историческая загадка нашла у нихъ новое объясненіе. За ошеломляющей обстановкой и ужасными формами опричнины имъ почудилась нѣкоторая руководящая идея; подъ обманчивою видимостью кровавой маніи они разглядѣли зрѣло обдуманнй планъ, проводимый съ чрезвычайной послѣдовательностью и силой. Въ дѣятельности главы опричнины—Грознаго, они усмотрѣли обширную программу хозяйственныхъ, социальныхъ и политическихъ преобразованій. Конечно, она осуществлялась достойными порицанія средствами; но, быть можетъ, въ известной мѣрѣ, то было неизбѣжно. Однако, надо замѣтить, что до сихъ поръ загадка опричнины такъ и остается не исполнѣ разрѣшенной. Всѣ попытки изслѣдователей разбиваются о ея тайну. Несомнѣннымъ приходится признать только одно. Въ своемъ пониманіи

и изображеніи опричнины историки старой школы допустили тройную ошибку: видимость они приняли за дѣйствительность, подробность—за существенное, часть—за цѣлое.

Воспользуюсь примѣромъ, дабы лучше пояснить мою мысль. Представимъ себѣ вполне возможный случай: допустимъ, что вся исторія французской революціи сведена къ изображенію отдѣльных сценъ или личностей изъ клуба якобинцевъ, тюрьмы Тамплъ или площади Націи. Такая интерпретація великой исторической эпохи вполне соотвѣтствовала бы тому, что намъ долгое время предлагали въ качествѣ существеннаго содержанія десятилѣтняго періода въ правленіи Ивана Грознаго. Этому нечего удивляться. Дѣло въ томъ, что самый необходимый документъ для исторіи этой эпохи остается для насъ неизвѣстнымъ. Я говорю объ учредительной грамотѣ опричнины. Она хранится въ государственныхъ архивахъ, но еще доннынѣ не издана и даже недоступна для изслѣдователей. Другіе документы, частью затеряны, частью также неизвѣстны. Поэтому обратимся къ твердо установленнымъ фактамъ.

Бѣгство Курбскаго не было единичнымъ явленіемъ. И до, и послѣ него мы видимъ однородныя попытки. Нѣкоторыя изъ нихъ были удачны, другія такъ и остались въ области покушеній. Во всякомъ случаѣ, отбѣздъ Курбскаго не могъ не смутить Грознаго, отнимая у него увѣренность въ завтрашнемъ днѣ. Мы знаемъ, какія цѣли ставилъ себѣ Иванъ во внутренней и внѣшней политикѣ. Между той и другой программой его существовала тѣснѣйшая связь, ибо внутреннія преобразования служили необходимой подготовкой для осуществленія внѣшнихъ задачъ московскаго государства. Все это требовало людей и денегъ. Гдѣ же было ихъ взять? Если люди Ивана не проигрывали сраженій въ мѣстническихъ спорахъ или благодаря измѣнническимъ соглашеніямъ со врагами государства, то они бѣжали за рубежъ, очевидно, заботясь больше о своихъ выгодахъ, нежели о благѣ родины. Что касается денегъ, то ими распорядились тѣ же ненадежныя слуги: отъ нихъ зависѣли и расходы государства, и надзоръ за финансовой дѣятельностью правительства. Мы знаемъ, что служилые люди стояли во главѣ государственнаго управленія и владѣли главнымъ богатствомъ страны, т.-е. землею. Все въ государствѣ совершалось при ихъ участіи; воеводы, намѣстники, судьи, члены боярской думы, начальники приказовъ,—они все держали въ своихъ рукахъ. Мы не говоримъ уже о старыхъ вотчинникахъ, которые, сидя на своихъ на-

слѣдственныхъ земляхъ, гдѣ у нихъ были собственныя военныя силы и дворъ, обладали тамъ почти безапелляціонною судебною властью и были почти совершенно свободны отъ налоговъ. Они разыгрывали роль настоящихъ государей въ своихъ владѣніяхъ. Опираясь на формальное превосходство своей знатности, они предъявляли къ своему *младшему* родичу, царствующему въ Москвѣ, такія притязанія, которыя не могли его не беспокоить, хотя и были, въ сущности, безсильны и бессмысленны.

Можно ли было раскассировать всю эту военную и правительственную организацію? Такая мысль никогда не приходила въ голову Ивану. Московское государство XVI вѣка жило извѣстными традиціями. Съ отдѣльными лицами царь могъ сдѣлать все; но передъ существующимъ общимъ порядкомъ онъ оставался безпомощенъ. Вѣдь, и онъ самъ со своимъ саномъ, достоинствомъ и властью являлся лишь составною частью этого порядка. По привычкѣ разсматривая управленіе государствомъ, какъ свое достояніе, какъ нѣчто, принадлежащее имъ по праву, князья и бояре считали свою службу вполне независимой отъ государя. Съ такой точки зрѣнія, въ мѣстничествѣ они видѣли извѣстную гарантію своихъ наслѣдственныхъ привилегій. Какъ могъ царь протестовать противъ такого взгляда? Вѣдь, его собственная власть исходила изъ того же источника и опиралась на такія же точно права. Потомки Рюрика или Гедимина, бояре когда-то правили Русью всѣ врозь, каждый въ своемъ удѣлѣ; теперь приходилось править ею сообща, причемъ одинъ сидѣлъ на тронѣ, а другіе завѣдывали какимъ-нибудь приказомъ или цѣлою областью государства. Но вся эта правящая группа представляла собою одно цѣлое, какъ бы одну семью: въ ней никто не могъ бы сказать другимъ—«домъ принадлежитъ мнѣ; можете уходить прочь». Повторяемъ, съ отдѣльными лицами Иванъ, несомнѣнно, могъ бы справиться, но кѣмъ бы онъ замѣнилъ ихъ? Послѣ Сильвестра и Адашева онъ взялъ «отъ гноища» такихъ людей, какъ Скуратовъ или Грязной. Онъ поставилъ ихъ на первыя мѣста, отыскивая новыхъ слугъ, по большей части, среди тѣхъ *поповичей*, которые донинѣ играютъ замѣтную роль въ жизни русской интеллигенціи. Но они отнюдь не могли замѣнить для него ту матеріальную и нравственную силу, какую представляли собою бояре и князьята. Политика Ивана неизбежно приводила его къ столкновенію съ этой аристократіей; и, въ то же время, внѣ ея, у него не было никакихъ средствъ: отбрасывая отъ себя знать, царь

оказывался въ пустомъ пространствѣ. Словомъ, боярство и самодержавіе являлись неразрывно связанными силами: ихъ раздѣльная жизнь была исторически невозможна. Такимъ образомъ, естественно, приходилось думать о компромиссѣ: на немъ и остановился Иванъ въ самый трагическій моментъ своей исторіи. Впрочемъ, онъ намѣренно избѣгалъ открыто говорить о томъ, что рѣшилъ сдѣлать про себя. Мы знаемъ, русское государство XVI вѣка было настоящимъ царствомъ тайны. На всѣхъ лицахъ тамъ были маски; на всѣ дѣла было наброшено покрывало.

3-го декабря 1564 года, въ воскресный день, Иванъ внезапно покинулъ свою столицу. вмѣстѣ съ собою онъ увезъ свою вторую жену, черкешенку родомъ, Марію Темрюковну: то была почти настоящая дикарка, жестокая и вспыльчивая, какъ и самъ царь. За государемъ слѣдовали цѣлыя сотни возовъ, нагруженныхъ его сокровищами, казною, утварью, драгоценными камнями, иконами. Все это сопровождала огромная свита, гдѣ находились бояре, набранные въ различныхъ городахъ, весь дворъ и челядь Ивана. Нѣкоторое время въ Москвѣ не было никакихъ вѣстей о царѣ; никто не зналъ, куда и зачѣмъ онъ уѣхалъ. Сперва царскій поѣздъ направился въ село Коломенское; здѣсь дурная погода задержала его недѣли на двѣ. Затѣмъ нѣсколько дней онъ простоялъ въ другомъ подмосковномъ селѣ—Тайнинскомъ и, далѣе, въ Троицѣ. Наконецъ, онъ расположился въ одной изъ слободъ городка Александра, къ сѣверу отъ Владиміра. Только тогда царь рѣшилъ объявить о причинахъ и цѣли столь необычайнаго отъѣзда. 3-го января 1565 года въ Москву прибылъ гонецъ съ письмомъ отъ царя къ митрополиту. Въ этомъ посланіи царь распространялся о всевозможныхъ злодѣянiяхъ, совершаемыхъ воеводами и всякими должностными лицами, а также высшимъ и низшимъ духовенствомъ. Въ заключеніе онъ объявлялъ, что «опалился» на всѣхъ въ своемъ государствѣ отъ перваго до послѣдняго человѣка. Опалю въ это время называлось нѣчто въ родѣ отлученiя: лица, которыхъ она постигала, попадали въ немилость и лишались права на какую бы то ни было дѣятельность какъ при дворѣ, такъ и на службѣ государствѣ. Объявляя о своей опалѣ, Иванъ сообщалъ митрополиту о своемъ рѣшеніи покинуть свое государство и поселиться, гдѣ Богъ укажетъ. Несомнѣнно, между обѣими частями посланiя было нѣкоторое противорѣчiе. Мы видѣли, что царь отказывался отъ престола; и въ то же время, опираясь на свою власть, онъ налагалъ кару на своихъ под-

данныхъ. Этого мало: за первымъ посланіемъ послѣдовало другое. Оно было адресовано купцамъ и всему православному народу московскому. Здѣсь царь заявлялъ, что на этихъ людѣй онъ ни въ чемъ не жалуется и не имѣетъ никакого гнѣва.

Что все это значило? Вполнѣ возможно, что и тогда, какъ впоследствии, никто не зналъ, что и думать объ этомъ. Но въ московскомъ государствѣ привыкли къ загадкамъ такого рода; поэтому, тамъ отлично поняли, что надо дѣлать. Очевидно, что царь былъ недоволенъ нѣкоторыми своими подданными и тайлъ противъ нихъ какой-то мрачный замыселъ. Какой замыселъ—это должно было показать ближайшее будущее, а пока, по своему обыкновенію, царь создавалъ только эффектную театральную обстановку. Москва покорно рѣшила поддерживать зловѣщую комедію. Какъ и полагалось, бояре пришли въ смятеніе; народъ взволновался, закричалъ, умилился душою; купцы заявили о своей готовности пожертвовать деньгами, что было достаточно краснорѣчивой формой сочувствія общему горю. Наконецъ, митрополиту было поручено умолить государя смѣнить гнѣвъ на милость. Царя упрашивали не покидать своего народа: пусть онъ править, какъ ему угодно, и, какъ хочетъ, судить тѣхъ, противъ которыхъ онъ опалился гнѣвомъ. Въ Александровскую слободу отправилась цѣлая депутація. Конечно, царь склонился на ея мольбы. Но при этомъ онъ поставилъ нѣкоторыя условія. Онъ заявилъ, что намѣренъ держать въ опалѣ всѣхъ крамольниковъ и предателей; онъ предупредилъ, что нѣкоторые бояре будутъ казнены, а имущество ихъ будетъ конфисковано. Наконецъ, онъ обѣщалъ вернуться въ Москву не раньше, чѣмъ устроить свою *опричнину*.

На языкѣ того времени опричниной называлась вдовья часть, которая давалась женамъ умершихъ знатнѣйшихъ вельможъ. На пирахъ тѣмъ же именемъ назывались лучшія яства, которыя хозяинъ оставлялъ при себѣ, чтобы дѣлиться ими съ избранными гостями. Наконецъ, опричниками (опричь—кромѣ) именовалась извѣстная категория крестьянъ, поселившихся на земляхъ нѣкоторыхъ монастырей. Припомнимъ теперь уже упомянутый нами указъ 10 октября 1550 года. Какъ мы знаемъ, онъ создалъ для Московскаго уѣзда особое территоріальное и политическое устройство. Въ этотъ уѣздъ переселялись отборные служилые люди, взятые съ различныхъ ступеней чиновной іерархіи и изъ всѣхъ областей московскаго государства. Существующій порядокъ вещей оставался незатронутымъ въ своихъ

основахъ подобнымъ мѣропріятіемъ. Однако, перемѣщая людей и внося извѣстныя измѣненія въ условія землевладѣнія, Иванъ создавалъ такимъ образомъ ядро придворной аристократіи, войска, администраціи и новой знати на совершенно особыхъ началахъ.

Что же представляла собою опричина 1565 года?

Въ своихъ основныхъ чертахъ она являлась лишь болѣе широкимъ и послѣдовательнымъ осуществленіемъ только что указаннаго первоначальнаго плана.

Все свое государство Иванъ раздѣлилъ на двѣ части. Въ одной должны были сохраниться прежній строй и старое управленіе. Другими словами, какъ и раньше, здѣсь продолжали управлять воеводы, намѣстники, судьи и кормленщики всякаго рода вмѣстѣ съ вотчинниками и помѣщиками. Впрочемъ, въ цѣляхъ централизаціи этого управленія, въ Москвѣ было создано особое учрежденіе подъ руководствомъ двухъ боярь. Въ составъ другой половины государства должны были войти различныя области вмѣстѣ съ нѣкоторыми городами и извѣстными частями самой столицы. Такимъ образомъ, царь оставлялъ для себя нѣчто въ родѣ упомянутой вдовьей доли или особаго удѣла. Здѣсь, съ тысячею боярь и дѣтей боярскихъ по своему выбору, онъ намѣревался продолжать опытъ 1550 года.

Выясняя общій смыслъ этого опыта, мы должны отмѣтить въ немъ два главныхъ момента. Я говорю, во-первыхъ, о преобразованіи вотчиннаго землевладѣнія въ помѣщичье и, во-вторыхъ, о перенесеніи слугъ государевыхъ въ совершенно новую для нихъ среду. У вотчинника отбирали его наслѣдственную землю, свободную отъ всякихъ повинностей. Его отрывали отъ родного угла, гдѣ вѣками создавались, развивались и укрѣплялись его благосостояніе и общественное значеніе. Его удаляли отъ искони зависимаго отъ него населенія, расторгая всѣ его связи. Извлекая его, обособляя и лишая привычнаго мѣста, его сажали на другой участокъ земли, возможно дальше отъ первоначальнаго мѣстожителства. Правда, его надѣляли новымъ владѣніемъ, но уже условнымъ и временнымъ, обязывая его служить государству и нести общія со всѣми повинности. Такимъ образомъ, создавали новыхъ людей—безъ прошлаго, безъ почвы и безъ защиты. Вотъ какова была основная задача опричины. По крайней мѣрѣ, мы можемъ предполагать это, ибо самъ Иванъ такъ и не раскрылъ своихъ тайныхъ намѣреній. До настоящаго времени очевидная связь двухъ актовъ, именно указа 1550 года и мѣропріятій 1565 года, не обращала

на себя должнаго вниманія. Во всякомъ случаѣ, мы видимъ здѣсь извѣстную систему. Все, что мы знаемъ о характерѣ и примѣненіи обѣихъ мѣръ, оправдываетъ, повидимому, извѣстную гипотезу Платонова и, отчасти, Милюкова. Первый, мнѣ кажется, ближе подошелъ къ истинѣ, нежели послѣдній, такъ какъ въ реформахъ Ивана, равно какъ и преобразованіяхъ Петра Великаго авторъ «Очерковъ по исторіи русской культуры» видитъ, исключительно, финансовыя мѣропріятія (*Платоновъ*, Очерки по исторіи смуты, СПб, 1899, I, 137; *Милюковъ*, Ор. с. 1896, I, 147 сл.).

Политическій кругозоръ Ивана IV былъ, несомнѣнно, значительно шире. Однако, и при его жизни, и даже послѣ его смерти объ опричинѣ было приказано не распространяться. Въ 1565 году въ Польшу отправилось царское посольство. Можно было предвидѣть, что поляки зададутъ ему вопросъ объ опричинѣ. Московская дипломатія, обыкновенно, предусматривала подобные нескромные вопросы и заранѣе принимала мѣры противъ излишней откровенности своихъ представителей: имъ она, по большей части, указывала, что нужно отвѣчать на это. На случай, если бы пословъ спросили, что такое опричина, они должны были бы заявить, что даже не понимаютъ, о чемъ съ ними говорятъ. На Руси нѣтъ никакой опричины. Царь живетъ тамъ, гдѣ ему угодно, а при немъ находятся тѣ слуги, которыми онъ доволенъ; большинство изъ нихъ тутъ же, поблизости, и владѣютъ землею. Другіе слуги государевы живутъ подальше; вотъ и все. Если же невѣжественный народъ и толкуеть о какой-то опричинѣ, то на это не стоитъ обращать вниманія. Такой же точно приказъ молчать объ опричинѣ былъ данъ и другимъ посольствамъ въ 1567 и 1571 гг. (*Сборникъ И. Ист. О-ва*, LXXI, 461, 777).

Однако, вмѣсто людей говорятъ факты. Первоначальная территория опричины постепенно все увеличивалась; наконецъ, она захватила собою большую часть государства. Соответственно этому и число опричниковъ возрасло съ тысячи до шести тысячъ человѣкъ. Въ 1565 году къ опричинѣ были присоединены области Вологодская, Устюжская, Каргопольская, Можайская и Вяземская. Въ 1566 г. сюда же отошли всѣ земли Строгановыхъ, а въ 1571—часть Новгородской области. Всякое расширеніе территоріи опричины сопровождалось раздачей новыхъ вотчинъ и помѣстій, которыя отнимались у прежнихъ владѣльцевъ. Послѣдніе вознаграждались за это земельными надѣлами въ другихъ областяхъ, гдѣ они, въ свою очередь,

водворялись на мѣсто опричниковъ, переселяемыхъ на отобранныя у нихъ земли. Такимъ образомъ всякій, кто не попадалъ въ опричнину, неизбежно подвергался или экспроприации или ссылкѣ. Правительство Ивана Грознаго намѣренно отбирало для опричнины тѣ части центральныхъ областей государства, гдѣ пережитки удѣльнаго порядка сохраняли наибольшую силу и размѣры. Такимъ образомъ, система Ивана проникала въ наслѣдственные владѣнія ростовскихъ, стародубскихъ, суздальскихъ и черниговскихъ князей. Она захватывала также *заокскія* земли, т.-е. вотчины другой группы князей—Одоевскихъ, Воротынскихъ, Трубецкихъ. Впрочемъ, нѣкоторые изъ этихъ князей стали подъ знамя новаго порядка и доказали Ивану свое вѣрноподданническое усердіе. Таковы были князь Ѳеодоръ Михайловичъ Трубецкой и князь Никита Ивановичъ Одоевскій. Взамѣнъ Одоева князь Михаилъ Ивановичъ Воротынскій получилъ Стародубъ-Ряполовскій, за нѣсколько сотъ верстъ дальше къ Западу. Другіе землевладѣльцы изъ той же области получили земли по сосѣдству съ Москвою, въ окрестностяхъ Коломны, Дмитрова и Звенигорода. О практическихъ послѣдствіяхъ всей этой перетасовки можно судить по слѣдующему примѣру. До Ивана IV на 272 вотчины, находившихся въ Тверской области, 53 землевладѣльца совершенно не несли службы государству. Одни изъ нихъ служили двоюродному брату царя, князю Владиміру Андреевичу; другіе были обязаны тѣмъ же самымъ по отношенію къ потомкамъ прежнихъ удѣльныхъ князей—Оболенскимъ, Микулинскимъ, Мстиславскимъ, Голицынымъ, Курлятевымъ и даже простымъ боярамъ. Опричнина кореннымъ образомъ измѣнила такое положеніе. Она вытѣснила собою всѣ другія повинности, но при этомъ заставила всѣхъ служить уже одному государю. На ряду съ этимъ, опричнина уничтожила всякія частныя вооруженныя силы, опираясь на которыя, непокорные вассалы царя часто бывали для него опаснѣе вѣшнихъ враговъ. Наконецъ, опричнина утверждала начало личной службы государя и устанавливала на всей своей территоріи цѣлую систему прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, взимаемыхъ въ казну.

Конечно, я не могу отрицать того, что опричнина, между прочимъ, имѣла въ виду извѣстныя экономическія и финансовыя задачи. Этимъ объясняется ея стремленіе, во что бы то ни стало, вобрать въ себя тѣ города, которые были расположены на важнѣйшихъ торговыхъ путяхъ государства. Весьма характерно, что купцы этихъ городовъ

отнюдь не заявляли своего недовольства по поводу такой перемѣны режима. Представители англійской торговой компаніи добивались даже, какъ милости, чтобы ихъ подчинили опричиннѣ. О томъ же самомъ просили и Строгоновы. Изъ всѣхъ дорогъ, связывавшихъ столицу державы съ порубежными областями, опричина не затронула только южныхъ путей, шедшихъ черезъ Тулу и Рязань. Повидимому, присоединеніе ихъ къ опричиннѣ не представляло въ глазахъ правительства никакихъ особыхъ выгодъ.

За отсутствіемъ точнаго документальнаго матеріала мы только съ большимъ трудомъ можемъ установить, какое, въ общемъ, количество земли отошло къ опричиннѣ между 1570 и 1580 гг. Повидимому, въ окончательномъ итогѣ, опричина представляла собою весьма значительную территорію, въ которую входили какъ сѣверныя, такъ и южныя области съ городами и подчиненными имъ округами. Другими словами, къ опричиннѣ относились Поморье, всѣ области Замосковья, Заокскія земли и изъ пяти Новгородскихъ пятинъ двѣ—именно, Обонежская и Вѣжецкая. На сѣверѣ опричина упиралась «въ великое Окіань-море», а въ цѣломъ представляла собою какъ бы клинъ, врѣзывающійся въ область стараго порядка, т.-е. въ земщину, и раздѣляющій ее на двое. На югѣ территорія опричины простиралась до Оки, на востокъ до Вятки, а на западъ до Литовско-нѣмецкой границы. Въ опричины оставались на востокѣ области Пермская и Вятская съ Рязанью, а на западѣ земли, подчиненныя Пскову и Новгороду, съ такими пограничными городами, какъ Великіе Луки, Смоленскъ и Сѣверскъ. На югѣ раздѣленныя опричиною области земщины примыкали съ обѣихъ сторонъ къ украинскимъ землямъ и къ *«дикому полю»*.

Въ центрѣ, какъ я сказалъ, дѣйствіе опричины распространялось только на нѣкоторыя части территоріи: здѣсь подчиненныя ей округа, города и участки смѣшивались съ такими же элементами земщины въ самомъ хаотическомъ безпорядкѣ. Эту картину трудно не только объяснить, но и просто представить себѣ ясно. Изъ крупныхъ городовъ за земщиной оставались только Тверь, Владиміръ и Калуга. При этомъ, вообще говоря, области земщины отодвигались, по возможности, къ окраинамъ государства. Такое устройство территоріи представляло полную противоположность древнимъ римскимъ порядкамъ. Какъ мы знаемъ, вся сила великой античной державы была сосредоточена по периферіи, съ очевиднымъ расчетомъ сковать центръ государства желѣзнымъ кольцомъ грозныхъ легионовъ.

Около 1572 года опричнина утратила свое первоначальное наименование. Съ этихъ поръ она стала называться *дворомъ*. Между тѣмъ, она успѣла уже усвоить всѣ признаки правильно организованнаго государственнаго учрежденія. Впрочемъ, въ своемъ дѣйстви, эта система сохраняла формы прежняго управленія. Поэтому, изслѣдуя какой-нибудь оффиціальныи документъ, относящійся къ этой эпохѣ, мы лишь съ величайшимъ трудомъ можемъ рѣшить, исходить онъ отъ земщины или опричнины. Формально опричнина не уничтожала даже самаго мѣстничества; она только исключала его счеты въ собственныхъ предѣлахъ. Словомъ, она дѣйствовала параллельно съ земщиной и въ полномъ съ ней согласіи, причемъ и та, и другая были подчинены центральнымъ учрежденіямъ, вѣдавшимъ финансы и воинскія силы государства. Въ той и другой системѣ администраціи дѣйствовали обыкновенные дѣяки, въ рукахъ которыхъ находилось все дѣловое производство земщины и опричнины. По крайней мѣрѣ, мы можемъ предположить такую организацію, опираясь на несомнѣнный фактъ одновременнаго существованія и согласованной работы обѣихъ системъ. Этого одного достаточно, чтобы совершенно разрушить легенду объ опричнинѣ, вся роль которой будто бы, сводилась къ функціямъ политической полиціи. Въ 1570 году, какъ узнаемъ мы изъ подлинныхъ документовъ, опричнина и земщина были созданы для совмѣстнаго обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ Литовской границей. И та, и другая сторона были представлены своими боярами, которые являлись какъ бы особыми делегатами. Обсужденіе вопросовъ тѣми и другими происходило отдѣльно. Но рѣшенія ихъ, оказалось, вполне совпали. Такимъ образомъ, мы не видимъ никакихъ признаковъ вражды или треній между обѣими силами. Въ томъ же самомъ и въ слѣдующемъ годахъ воинскіе отряды опричнины и земщины сообща и въ совершенномъ согласіи дѣйствуютъ противъ татаръ.

Конечно, та задача, которая стояла предъ Иваномъ, не нашла себѣ въ опричнинѣ окончательнаго и полнаго разрѣшенія. Собственно говоря, Грозный долженъ былъ бы устранить двойное противорѣчіе, которое существовало въ его государствѣ. Политическое противорѣчіе заключалось въ томъ, что государь, котораго сама исторія сдѣлала носителемъ абсолютной власти на демократическихъ основахъ, былъ вынужденъ осуществлять эту самую власть при посредствѣ аристократіи. Что касается соціальнаго противорѣчія, то оно сводилось къ тому, чтобы этотъ самодержавный государь, въ поискахъ новыхъ

средствъ, необходимыхъ ему для удовлетворенія честолюбивыхъ замысловъ, волей-неволей долженъ былъ сковывать цѣпями рабства производительный классъ. Связавъ его по рукамъ и по ногамъ, онъ отдавалъ его на произволъ непроеводительнымъ элементамъ общества, т.-е. служилымъ людямъ—своимъ воинамъ и собирателямъ налоговъ.

Опричина оказалась безсиленною совершенно уничтожить аристократію; она лишь нанесла этому классу весьма чувствительный ударъ. Впрочемъ, быть-можетъ, дальше этого и не шли намѣренія самого царя. Нѣкоторые знатные и могущественные вельможи стали въ ряды опричнины и такимъ образомъ были обезврежены. Но, помимо нихъ, система Ивана IV пощадилъ только очень немногихъ представителей стараго боярства. Такъ, между прочимъ, во главѣ земщины Грозный рѣшилъ поставить рядомъ двухъ князей—Ивана Ѳеодоровича Мстиславскаго и князя Ивана Дмитріевича Бѣльскаго. Оба они, въ сущности, были совершенно безобидными и даже полезными Ивану людьми. Что касается политическаго значенія боярства, то оно было окончательно уничтожено опричиною. Результаты этого сказывались и послѣ смерти Ивана, когда руководящая роль перешла въ руки такихъ безродныхъ креатуръ царя, какъ Захарьины или Годуновы. Какъ мы знаемъ, система переселенія была связана въ опричинѣ съ массовыми казнями и конфискаціями имущества. Чтобы пополнить пустоту, образовавшуюся отъ подобныхъ мѣропріятій, правительство Ивана IV обращалось къ низшимъ классамъ общества. Такъ изъ крестьянъ, казаковъ и даже татаръ образовался довольно значительный контингентъ служилыхъ людей, который являлся могущественнымъ орудіемъ демократической нивелировки. Не даромъ говорилъ Иванъ въ письмѣ къ Васюшкѣ Грязнову, что бояре великаго князя Василія и его собственные привыкли измѣнять государю; поэтому-де и обращается царь къ нимъ, мужикамъ, на вѣрность и преданность которыхъ онъ рассчитываетъ. Въ отвѣтъ Грязный смиренно заявлялъ, что царь, «аки Богъ, изъ мала велика чинить...»

И все же опричина представляла собою цѣлую революцію, которая не могла совершиться безъ извѣстныхъ потрясеній. Она сказалась даже на положеніи низшихъ классовъ общества, расторгая вѣковыя узы, связывавшія ихъ со старинными господами. Она ввела въ города и деревни новый элементъ, при чемъ, благодаря дробленію крупныхъ земель, создала сельскохозяйственный и промышленный

пролетариатъ. Словомъ, опричина затрагивала многообразные интересы и чувства. Выше я уже отмѣтилъ фактъ разложенія стараго крестьянскаго самоуправленія: тамъ, гдѣ раньше крестьяне зависѣли отъ одного лишь государства, они должны были теперь подчиниться новымъ землевладѣльцамъ. Такимъ образомъ, хотя и косвенно, опричина содѣйствовала развитію крѣпостного права. Впрочемъ, ближайшимъ результатомъ ея было усиленіе эмиграціи среди разрозненныхъ ею массъ. Съ другой стороны, болѣе энергичная ихъ эксплуатація ускорила процессъ постепеннаго оскуднѣнія народа. Съ этой точки зрѣнія, дѣло Ивана не выдерживаетъ критики. Въ недалекомъ будущемъ, при столкновеніи московскаго государства съ Польшей, должны были обнаружиться эти недостатки его реформы. Замѣтимъ, впрочемъ, что она имѣла и нѣкоторыя положительныя стороны и въ извѣстномъ смыслѣ была даже необходима.

На практикѣ опричина повела къ различнымъ злоупотребленіямъ. Это тоже, конечно, заслуживаетъ самаго суроваго осужденія. Впрочемъ, то бывало всегда при кризисахъ подобнаго рода; едва ли историкъ можетъ указать хоть одну такую эпоху, которая была бы свободна отъ подобныхъ темныхъ сторонъ. Во всякомъ случаѣ, нельзя разсматривать опричину подъ этимъ однимъ угломъ зрѣнія и произносить надъ ней слишкомъ категорическій приговоръ. Правда, мы знаемъ многое о тѣхъ жестокостяхъ, которыми запятнано и опозорено было дѣло опричины. Впослѣдствіи эти жестокости закрыли и извратили въ сознаніи потомства дѣйствительный характеръ и подлинную цѣль реформы Ивана Грознаго. Такъ или иначе, касаясь этой стороны дѣла, историкъ долженъ заранѣе ожидать, что встрѣтится съ извѣстными преувеличеніями. Нельзя принимать безъ критической провѣрки тѣ свидѣтельства, которыя изображаютъ намъ ужасы опричины. Эти показанія исходятъ или отъ заинтересованныхъ лицъ, какъ Курбскій, или отъ предубѣжденныхъ недоброжелателей, какъ большинство иностранцевъ. Къ сожалѣнію, у насъ почти отсутствуютъ средства провѣрки всего этого матеріала. Тѣмъ не менѣе, я попытаюсь—если не установитъ истину, то, по крайней мѣрѣ, подойти къ ней возможно ближе.
